
Развитие Ближнего Востока: контуры - 2020

*Доклад к заседанию
ближневосточной
секции международного
дискуссионного клуба
“Валдай”*

рус

Москва, ноябрь 2009

Авторы доклада:

А.Г. Аксенёнок,
Чрезвычайный и полномочный
посол РФ; советник председателя
правления ГК “Внешэкономбанк”.

Соавтор и ответственный
редактор – **Ф.А. Лукьянов**,
главный редактор журнала
“Россия в глобальной политике”,
член президиума СВОП

Авторы выражают глубокую признательность академику РАН, президенту Торгово-промышленной палаты РФ **Примакову Е.М.** за ценные советы и замечания, высказанные в процессе работы над докладом.

Авторы выражают искреннюю благодарность участникам рабочей группы по подготовке проекта доклада, их идеи и предложения значительно обогатили текст документа. Участники рабочей группы: **Бурмистров Л.В.**, заместитель главного редактора РАМИ “РИА “Новости””, **Вершинин С.В.**, директор департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России, **Звягельская И.Д.**, вице-президент Центра стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, **Игнатенко А.А.**, президент, Института религии

и политики, член Общественной Палаты РФ, **Караганов С.А.**, председатель Президиума СВОП, декан факультета мировой экономики и мировой политики Государственного Университета – Высшая школа экономики, **Косач Г.Г.**, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Российского Государственного Гуманитарного университета, **Наумкин В.В.**, директор Института Востоковедения РАН, президент Международного Центра стратегических и политических исследований, **Сюкияйнен Л.Р.**, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Государственного Университета – Высшей школы экономики, **Тарасов Г.П.** – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, **Хлопков А.В.**, директор Центра энергетики и безопасности.

Оглавление

4	I. БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
5	II. ПОТЯСЕНИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА И СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ
8	III. ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ И КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
10	IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ПАЛЕСТИНО- ИЗРАИЛЬСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
13	V. ПРОБЛЕМА ЯДЕРНИЗАЦИИ ИРАНА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ
15	VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

I. Ближний Восток в современном мире

Богатый минеральными ресурсами и густонаселенный регион Ближнего Востока практически никогда не находился на периферии мировой политики, но в XXI столетии стержневой характер ближневосточной проблемы для всего международного развития стал совершенно очевидным.

Прекращение в конце XX века биполярного противостояния, которое структурировало мир и позволяло находить устойчивый баланс сил и интересов, усложнило внутренние процессы, поставило в повестку дня вопрос о новой самоидентификации. Идеологический вакуум начал быстро заполняться более традиционными формами сознания, прежде всего религиозными и националистическими. Это оказывает разнонаправленное воздействие на ход событий, в особенности в регионах, где пересекаются интересы крупных политических игроков.

Если раньше великие державы обладали возможностями (хоть и не абсолютными) воздействовать на негативные региональные процессы, теперь последние зачастую развиваются бесконтрольно, подчиняясь собственной внутренней логике.

Можно констатировать, что

- **во-первых**, в условиях глобализации без комплексного осмысления того, как внутрирегиональные факторы взаимодействуют с факторами внешними, невозможно адекватно прогнозировать развитие событий;
- **во-вторых**, на Ближнем Востоке происходят качественные изменения; идет про-

цесс смены политических поколений, и весь регион стоит на пороге фундаментальных перемен, масштаб и направление которых пока трудно предсказать;

- **в-третьих**, государства Ближнего Востока нуждаются в ускорении развития, в сокращении разрыва между ними и наиболее развитыми странами, чтобы обеспечить устойчивый социально-экономический и политический прогресс; комплексная модернизация возможна, только если будет опираться на сбалансированный подход, гармонично сочетающий традицию и инновации;
- **в-четвертых**, в регионе существует гигантский вакуум безопасности, который усугубляется сочетанием традиционных проблем (неразрешенность межгосударственных и межконфессиональных конфликтов) и новых вызовов (распространение ОМУ, растущий дефицит водных ресурсов и пр.);
- **в-пятых**, модели урегулирования конфликтов, обсуждающиеся до сих пор, в значительной степени исчерпали себя; необходим поиск принципиально новых подходов, которые учитывали бы динамику происходящих изменений.

Авторы данного доклада не претендуют на всеобъемлющий анализ происходящего, однако намерены поставить ряд вопросов, поиск ответов на которые определит контуры развития региона на перспективу до 2020 года.

II. Потрясения начала XXI века и ситуация в регионе

В начале XXI столетия резко возросло внимание ведущих стран мира к проблеме энергетической безопасности, обострилась глобальная конкуренция за контроль над источниками и путями транспортировки энергоносителей. В результате Ближний Восток как крупнейший резервуар углеводородов не мог оказаться на пересечении интересов ведущих мировых держав.

После окончания холодной войны предпринимались попытки в разных форматах добиться политического разрешения ключевого конфликта – арабо-израильского, в какой-то момент казалось, что ситуация вышла из тупика. Но отсутствие последовательности и согласованности в действиях внешних сил, неготовность к поискам разумных компромиссов у самих участников противостояния привели к разочарованиям и неудачам миротворческих усилий 1990-х годов.

Положение на Ближнем Востоке резко обострилось в результате попытки неоконсервативной администрации Соединенных Штатов реализовать масштабный проект “Большого Ближнего Востока”. Он предусматривал модернизацию мусульманских государств путем силового (посредством политического, идейного или военного давления) навязывания им западных демократических стандартов.

Трудно однозначно определить, в чем состояли истинные стратегические расчеты и идеологические мотивы Вашингтона. Были ли эти действия шоковой реакцией на беспрецедентную в истории террористическую атаку

на Соединенные Штаты, искренним намерением взять на себя бремя лидерства в борьбе с общими угрозами, проявлением государственного эгоизма, стремлением получить контроль над важнейшим мировым резервуаром углеводородов или догматически понятым мессианским романтизмом.

Как бы то ни было, в этот переломный момент вместо упорядоченной контролируемой эволюции регион был ввергнут в водоворот потрясений. Практическое воплощение проекта переустройства этой части мусульманского мира проходило на фоне идеологической кампании, временами с антиисламским привкусом, сопровождавшей контртеррористические операции, постоянных угроз Ирану и Сирии, поспешных силовых акций, особенно в Ираке. Наличие новых вызовов (международный терроризм, наркотрафик, распространение оружия массового уничтожения и др.) использовалось администрацией США в качестве оправдания “чрезвычайщины”.

Результаты ближневосточной политики оказались противоположны заявленным целям. Во многом по этой причине новый американский президент Барак Обама объявил о намерении пересмотреть практику односторонних действий, тесно согласовывать свои шаги с европейскими союзниками и “перезагрузить” отношения с Россией, дабы найти с ней баланс интересов в целом ряде регионов, в том числе и на Ближнем Востоке. Вашингтон фактически отказался от курса “продвижения демократии” и в целом заметно умерил идеологическую составляющую политического курса.

Однако разумная и конструктивная позиция Соединенных Штатов является необходимым, но недостаточным условием для нахождения всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. К тому же, если прагматический курс Обамы не приведет к успехам, нельзя исключать, что “маятник” американской политики качнется в противоположную сторону. При самых неблагоприятных сценариях могут возобладать изоляционистские или неоконсервативные подходы к отношениям с внешним миром.

Рост популярности политизированного ислама, ставший ответом на попытки внешнего давления, повысил в ряде ближневосточных государств влияние радикальной оппозиции, действующей легальными методами. На парламентских выборах в палестинской автономии победу одержало движение “Хамас”. Представительство исламистов также увеличилось в парламентах Египта, Иордании и Кувейта, политический вес и военную силу набрала ливанская шиитская партия “Хизбалла”.

Ближневосточные правители оказались под двойным прессом. С одной стороны, американские требования демократизации, не исключавшие замену традиционных правящих элит мирным силовым путем, а с другой – эмоциональные настроения мусульманских низов, недовольных своим положением. Ценой больших усилий удалось нейтрализовать небывалый всплеск терроризма в Египте и на самой родине ислама – в Саудовской Аравии.

Общая дестабилизация в регионе привела к росту значимости негосударственных или несистемных игроков, таких, как экстремистские исламские организации, в том числе объединенные в сеть “Аль-Каиды”, или группы, представляющих шиитские меньшинства в ряде арабских государств, а также укрепила позиции Ирана, которого многие считают главным “победителем” иракской кампании США. Сам Иран сталкивается при этом с серьезными внутренними вызовами, наглядным проявлением чего стали президентские выборы в июне 2009 года и последовавшие за этим события. Нагнетание напряженности вокруг иранской ядерной программы создает еще один фактор неопределенности,

который может воздействовать не только на региональную, но и на глобальную политическую ситуацию. Силовое разрешение иранской проблемы, будь то операция США или Израиля, чревато непредсказуемым развитием событий. При этом исключить такой сценарий нельзя, поскольку обретение Ираном ядерного статуса расценивается Израилем в качестве экзистенциальной угрозы.

С тех пор, как американская “челночная дипломатия” увенчалась заключением мирного договора между Египтом и Израилем, большинство арабских руководителей признаются они в этом или нет, видят в Америке, по сути, единственную силу, способную подвести стороны к компромиссным решениям. В значительной степени это соответствует действительности, поскольку Соединенные Штаты обладают уникальным арсеналом самых разнообразных средств воздействия на участников региональной политики, особенно на Израиль.

Однако объявление “войны” террору и волна антиисламизма в США и в странах Западной Европы были восприняты мусульманской “улицей” как объявление войны всему исламу. По региону распространился антиамериканизм, периодами перераставший в универсальную враждебность к Западу в целом. В ходе опросов общественного мнения в четырех странах (Египет, Марокко, Пакистан и Индонезия) 79% высказали мнение, что Соединенные Штаты преследуют цели разделить и ослабить мусульманский мир. Например, в Египте, который имеет особые отношения с США и является одним из крупнейших получателей помощи, подавляющее большинство опрошенных одобрило вооруженное сопротивление американскому военному присутствию в Ираке и Афганистане. И хотя эти тенденции пока нельзя оценивать как необратимые, события последних лет поколебали легитимность Соединенных Штатов как наиболее авторитетного игрока на Ближнем Востоке.

Администрация Барака Обамы заявляет о намерении в обозримом будущем (2010-2011) начать вывод войск из Ирака и Афганистана. Такое развитие событий может оказать заметное воздействие на положение в области безопасности.

Во-первых, неочевидно, что с уходом иностранных войск в этих странах удастся сохранить хотя бы относительную стабильность.

Во-вторых, “освободится” большое количество профессиональных боевиков, которые могут обратить взоры на соседние государства и страны, откуда они родом. Это среди прочего потребует координации усилий спецслужб разных стран, как в регионе, так и вне его, поодиночке остановить подобную волну едва ли возможно.

Если смотреть на развитие ситуации в динамике, нельзя исключать, что в предстоящие десятилетия позиция Америки по отношению к региону будет постепенно меняться. По мере смещения фокуса мировой политики с евроатлантического на азиатско-тихоокеанское пространство Вашингтону придется корректировать иерархию приоритетов, а рост новых “незападных” центров силы и влияния может заставить США учитывать более широкую палитру взглядов на ближневосточную ситуацию.

III. Проблема модернизации и кризис государственности

Хотя метод решения проблем региона, выбранный администрацией Джорджа Буша, был глубоко ошибочным, сама постановка вопроса о необходимости комплексной модернизации вполне обоснованна. Потребность в преобразованиях назрела, что было убедительно зафиксировано в докладе ООН о человеческом развитии в арабском мире (2003). Проблемы с темпами развития особенно ярко проявлялись по сравнению с другими регионами исламского мира, например, Юго-Восточной Азией.

Однако противопоставление современного развития национальным и религиозным традициям является гарантией неудачи. В большинстве мусульманских стран проект модернизации и демократизации может проводиться в жизнь только при условии, что он будет осуществлен в рамках или, по крайней мере, с учетом глубоко укоренившихся исторических традиций. (Примеры такого подхода – Япония и “тигры” Юго-Восточной Азии.) И наоборот – политические реформы не будут успешными, если они осуществляются как альтернатива исламу и, следовательно, воспринимаются мусульманским сообществом в качестве угрозы религиозным ценностям.

Власть и преобладающая часть общества в государствах Ближнего Востока объективно заинтересованы в развитии демократических институтов, но только если будут обеспечены политическая стабильность и безопасность, поскольку от дестабилизации выигрывают экстремисты. А это возможно лишь при условии увязки планов демократизации с не противоречащими ей мусульманскими нормами и обычаями и исламского осмысления реформ, причем осмысления

умеренного, взвешенного и цивилизованного, а не экстремистского, нацеленного на противопоставление ислама демократизации.

Такой стратегический подход отвечает интересам международного сообщества, в числе приоритетов которого – сохранение политической стабильности и упрочение безопасности в регионе. В таком подходе заинтересована и Россия. Конфронтация между Западом и мусульманским миром по поводу совместимости демократических ценностей и исламских политико-правовых традиций не нужна ни одной из сторон. В частности, путем экспорта демократии, призванной заменить собой ислам, Запад вряд ли добьется уменьшения террористической опасности. Наоборот, как подтверждает практика, курс на отбрасывание ислама объективно ведет лишь к усилению влияния исламских радикалов и росту числа их сторонников. Одновременно линия на искусственную демократизацию и переориентацию традиционного мусульманского общества на восприятие либеральных ценностей, предполагающих свертывание исламской политико-правовой культуры, несет опасность дестабилизации, а значит – снижения уровня безопасности.

Поэтому стратегия модернизации должна быть нацелена на подключение мусульманского мира к процессу глобализации со своими исламскими ценностями, в том числе политико-правовыми, совместимыми с общемировыми демократическими принципами и осмысленными в духе современных реалий. Естественно, противоречия между исламским и западным подходами не только возможны, но в ряде случаев просто неизбежны. Но принципиальная возможность

дальнейших шагов по пути преодоления расхождений между ними сохраняется, а предел сближения позиций далеко еще не достигнут.

Соотношение между демократизацией, если под ней понимать процесс утверждения либеральных политических ценностей, и исламом в мусульманском мире характеризуется неоднозначностью и противоречивостью. Так, демократизация в принципе теоретически может быть средством нейтрализации исламского экстремизма. В то же время развитие демократии часто дает политические преимущества именно радикалам. Политико-правовое наследие ислама, прежде всего отсутствие разделения между светской и религиозной властью по принципу “богу – богово, кесарю – кесарево”, порой создает препятствия на пути демократизации. Вместе с тем именно исламская политико-правовая культура способна придать демократическим реформам широкую поддержку, способствовать упрочению режима безопасности и стабильности, содействовать достижению более высокого уровня общественного согласия, а значит – стать союзником демократизации.

Модернизация необходима странам Ближнего Востока еще и потому, что, будучи участниками всех мировых процессов, они более других подвержены воздействию внешних факторов. Современное развитие мира характеризуется общим ростом давления глобальной среды (негосударственных акторов и трансграничных явлений) на национальное государство как структурообразующий и стабилизирующий элемент международной системы. Для многих стран Ближнего и Среднего Востока с относительно молодой и все еще находящейся в процессе становления государственности такая ситуация бросает особенно серьезные вызовы.

Кстати, на этом фоне в особенности безответственной представляется политика неоконсервативной администрации США, которая под лозунгом продвижения демократии фактически расшатывала государственную стабильность в регионе вплоть до фактического разрушения наиболее устойчивого из государственных образований – Ирака.

В результате непродуманной политики американцев серьезно расширилось региональное влияние Ирана, который умело воспользовался моментом. К Тегерану фактически перешел

контроль над шиитскими районами на юге Ирака, тем самым иранские власти получили возможность регулировать накал межэтнического противостояния в этой стране. Через особые союзнические связи с Сирией, палестинскими и ливанскими организациями “Хамас” и “Хизбалла” Тегеран способен воздействовать на развитие ситуации на палестинских территориях и в Ливане.

Окрепшие амбиции Ирана вывели на новый виток историческое противостояние между суннитским большинством и шиитским меньшинством в масштабах всего Ближнего Востока. Суннитские правящие династии в регионе Персидского залива воспринимают возвышение Ирана как угрозу жизненным интересам, что придает обострившимся междоусобным конфликтам на религиозной почве региональное измерение.

Как бы то ни было, некоторые эксперты не исключают, что уже до 2020 года в регионе Ближнего Востока произойдут изменения, который при наиболее неблагоприятном развитии событий могут затронуть даже конфигурацию границ некоторых государств. Не исключено обострение конфликтов на Аравийском полуострове, обострение внутренней ситуации в Ливане, активизация несистемных сил по всей территории региона. Даже Израиль в последние годы имел дело, к примеру, не с ливанской или сирийской армиями, а с вооруженными формированиями ливанской “Хизбалла” и палестинской “Хамас”. Кстати, в Ираке и Афганистане многонациональным силам государств-членов НАТО опять же противостоят отнюдь не регулярные армии.

В российском экспертном сообществе преобладает представление, что развитие Ближнего Востока и создание там системы безопасности невозможно без активных мер по всемерному укреплению государственности стран региона посредством последовательной модернизации. Она должна осуществляться в гармонии с культурно-религиозными традициями, но содействовать развитию в регионе современных обществ с эффективной системой правления, уважающей права и свободы граждан. В этом случае удастся снизить накал внутрисударственных противоречий и создать более конструктивную атмосферу для решения региональных проблем.

IV. Перспективы палестино-израильского урегулирования

Предпосылки к структурированию региональной безопасности и смягчению напряженности могут появиться только тогда, когда наметятся ощутимые подвижки в палестино-израильском урегулировании.

За последние полтора десятилетия предпринята серия попыток найти формат ближневосточного урегулирования. Нельзя считать, что предыдущие международные усилия не дали никакого результата. Крупным прорывом было признание Соединенными Штатами формулы “двухединого решения” палестинской проблемы на базе существования бок о бок и в мире двух государств – Израиля и Палестинского государства на территориях Западного берега и сектора Газы. Эта формула в принципе принята теперь и в Израиле.

К сожалению, недооцененной осталась арабская мирная инициатива, содержащая обещание мира с Израилем в обмен на уход с оккупированных палестинских территорий, с сирийских Голанских высот и создание палестинского государства. Арабский мир, особенно глубоко интегрированные в мировую экономику нефтяные монархии Персидского залива, все более тяготеет к хронической неурегулированности палестинской проблемы. Нарождающийся в этом регионе средний класс и новые предпринимательские слои могут со временем стать социальной опорой движения к миру. Все эти позитивы прошлых лет создали определенную концептуальную платформу и политические предпосылки для перевода мирного процесса в русло выработки механизмов его реализации. Ближе всего к пониманию стороны пришли

на кэмп-дэвидских переговорах в 2000 году при посредничестве Билла Клинтона. Однако прорыва так и не случилось.

Усилия “четверки” международных посредников проходили под тяжелым гнетом общей региональной обстановки и периодически наталкивались то на бескомпромиссность и максимализм переговорных позиций, то на провокации экстремистов с обеих сторон. Ситуация осложнилась еще больше после раскола в палестинском движении и перехода власти в секторе Газы в руки его радикального крыла в лице исламского движения “Хамас”, которое не признает право Израиля на существование и отказывается придерживаться прежних израильско-палестинских соглашений, оформленных при международном участии.

Акты терроризма и ракетные обстрелы с палестинских территорий существенно сужали поле маневрирования для умеренных сил и в Израиле, и в палестинской автономии. Поддержка же этих сил со стороны внешних игроков была явно недостаточной. В итоге мирные усилия оказались, по сути дела, заблокированными. А победа в Израиле правой коалиции во главе с лидером партии “Ликуд” Биньямина Нетаньяху и ослабление позиций Махмуда Аббаса вновь создали тупиковую ситуацию.

С администрацией Барака Обамы многие в регионе связывали надежды на трансформацию американской стратегии. Однако неспособность Вашингтона побудить Израиль к замораживанию поселенческой

активности затормозила очередную попытку выйти из тупика. Возможно, повестка дня Барака Обамы слишком перегружена – Иран, Афганистан, Ирак, внутренняя битва за реформу системы здравоохранения, – чтобы осложнять обстановку еще и столкновением с Израилем, который поддерживают серьезные силы внутри самих Соединенных Штатов, в том числе и в верхних эшелонах американской политики.

Независимо от того, состоятся выборы на палестинских территориях или нет, следует ожидать усиления влияния там радикальных антиизраильских настроений. На этом фоне возрастают шансы мусульманского движения “Хамас” взять верх в палестинском движении мирным либо вооруженным путем.

Ситуация заставляет сделать вывод об истощенности традиционных форм урегулирования. Какие варианты действий возможны?

1) **Модель “навязанного урегулирования”, когда стороны конфликта не способны договориться**, а посреднические усилия внешних игроков не приносят результатов. Не исключено, что среди арабов и израильтян найдется достаточно сторонников такого подхода. Взаимные уступки легче оправдать давлением извне, сдобренным финансовым пряником, как это было при заключении кэмп-дэвидских соглашений между Египтом и Израилем. Да и само образование государства Израиль было навязано мировым сообществом: арабам – факт образования еврейского государства в Палестине, а евреям – факт создания бок о бок с ним государства арабского.

Осознание общих угроз и общих интересов в сфере глобальной безопасности, в принципе, может стать побудительным импульсом к налаживанию коллективных политических действий по урегулированию региональных конфликтов. Повышение роли “квартета” ближневосточных посредников вероятно, в частности, на путях налаживания согласованных шагов между Россией и Евросоюзом, который претендует на более солидное влияние в международных делах.

Российско-европейский или, скажем, российско-французский тандем (Париж тра-

диционно проводит активную политику на Ближнем Востоке, что обусловлено историческими, экономическими и демографическими причинами), не будучи заменой американскому посредничеству, мог бы в конечном счете побудить американцев к поискам путей оказания давления на их израильского союзника. Повышение роли Европейского союза и России расширило бы и пространство для политико-дипломатического маневра в регионе, и инструментарий, находящийся в распоряжении международного сообщества.

Вместе с тем, в нынешних реалиях формирование “группы давления” связано с серьезными трудностями. Между членами международного “квартета”, несмотря на общие декларации, нет должной степени согласованности в подходах к тактике действий, существует соперничество по соображениям престижа. Соединенные Штаты традиционно стремятся к монополизации своей миротворческой роли и ревностно относятся к вовлечению других партнеров. Все это делает давление на стороны конфликта по принципу разделения ролей малоперспективным. Кроме того, общее состояние международной системы и ее ключевых институтов, включая ООН, неизбежно вызовет сомнения относительно легитимности действий, связанных с навязыванием кому-то тех или иных решений.

При этом замораживание движения в направлении палестино-израильского урегулирования или явная неудача этого процесса приведут к дальнейшему снижению региональной и глобальной управляемости.

2) **Расширение посреднического формата за счет вовлечения новых участников из числа быстро развивающихся держав**, которые увеличивают свой международный экономический и политический вес. Это, например, такие страны, как Китай, Индия, Малайзия, ЮАР, не имеющие негативного наследия в отношениях с государствами Ближнего Востока. Как минимум, часть из этих развивающихся держав имеют интерес в стабилизации региона, поскольку зависят от поставок ближневосточных углеводородов.

В то же время никто из “молодых” великих держав до сих пор не проявлял желания

вовлекаться в разрешение международных конфликтов, которые не касаются их самым непосредственным образом, тем более когда речь идет о столь застарелых и трудноразрешимых конфликтах, как ближневосточный. К тому же любое расширение формата имеет пределы, после которых он становится нефункциональным. То есть этот вариант маловероятен и вряд ли принесет желаемый эффект.

3) Институционализация статус-кво и снижение общего уровня насилия. Существует точка зрения, что если в нынешнем положении достижение политического решения невозможно, то, по крайней мере, можно поставить цель укрепления безопасности во избежание насильственных действий и войн, будь то террористические или партизанские атаки против Израиля или ответные военные акции израильской армии.

Для этого требуется повышение уровня взаимодействия между спецслужбами, возобновление полномасштабного диалога по проблемам безопасности, достижение договоренностей по конкретным вопросам, избежание провокаций. Возможно, понадобится вовлечение международных посредников и наблюдателей как гарантов неприменения силы и урегулирования спорных ситуаций политическими методами.

Такая модель, по мнению ее сторонников, позволяет повысить качество жизни как израильтян, так и палестинцев и в перспективе сформировать атмосферу для более серьезного обсуждения возможных вариантов, когда для этого сложатся подходящие условия. Собственно, к этому по сути дела сводятся последние заявления ряда руководителей движения “Хамас”: не мир, а перемирие.

Попытка реализации подобного варианта на практике опасна, поскольку идея достижения безопасности без политического решения или, по крайней мере, ясных шагов к нему, способна в недалеком будущем спровоцировать еще более радикальную реакцию. По сути, это будет означать стремление загнать проблему внутрь вместо ее урегулирования.

Какая бы модель ни была взята за основу, трудно избежать следующей констатации.

Создание двух государств, а это по-прежнему считается основной целью ближневосточного процесса, в нынешних обстоятельствах требует от обеих сторон уступок такого масштаба, которые почти невозможно представить себе на практике. В случае же одностороннего провозглашения независимости Палестины в неопределенных границах и без ясного международного статуса не решится ни одна из существующих проблем, а имеющиеся могут только усугубиться.

V. Проблема ядернизации Ирана и распространения ядерного оружия

Наиболее острой международной проблемой, имеющей непосредственное отношение к теме Ближнего Востока, является ядерная программа Ирана. Укрепление военного, в первую очередь ракетного потенциала, вкупе с недостаточной открытостью работ по мирному использованию ядерной энергии вызывало опасения как у соседей Ирана (прежде всего Израиля), так и у других держав.

Опасность, исходящая от бесконтрольного распространения ядерного оружия, имеет глобальный характер, поэтому усилия, предпринимаемые международным сообществом крайне важны. Необходимы активные и скоординированные усилия для того, чтобы добиться приемлемого урегулирования иранской проблемы, поскольку обретение Тегераном ядерного статуса поставит под сомнение перспективы Договора о нераспространении ядерного оружия и резко ухудшит общую обстановку в регионе. Готовность Ирана конструктивно сотрудничать с мировым сообществом в решении этой проблемы является критерием зрелости и ответственности Тегерана, претендующего на повышение международной и региональной роли.

Вместе с тем, динамика развития событий в области распространения ОМУ заставляет предположить, что в современных условиях практически невозможно воспрепятствовать тому, чтобы государства, активно стремящиеся к обретению ядерного оружия, его в конце концов получили. Как показывает практика, особое внимание именно к

иранской и северокорейской ядерной программам вызвано не столько опасением их ядернизации, сколько тем фактом, что оба режима находятся в конфликте с Соединенными Штатами. В то же время ядерный статус Индии и Пакистана, которые поддерживают хорошие отношения с Вашингтоном, фактически был легитимирован теми же США, а израильское оружие мир тактично “не замечает”.

Широко распространенным аргументом является тот, что ядерный Иран спровоцирует “эффект домино” по всей территории Ближнего Востока. Как представляется, острота проблемы преувеличена из политических соображений. Поскольку практически ни у одного государства в регионе нет необходимого технологического потенциала, создать ядерное оружие в короткий срок (5-10 лет) они не смогут. Хотя, безусловно, интерес к военному применению атома на Ближнем Востоке возрастет. Особую опасность представляет в связи с этим возможность приобретения кем-то в регионе готовых ядерных зарядов, скорее всего в Северной Корее.

Нет оснований полагать, что решение здесь будет найдено в обозримый период. Во всяком случае, оно тесно привязано к урегулированию палестинской проблемы и полной нормализации отношений Израиля с арабским миром при международных гарантиях. Идея о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке, выдвинутая, кстати, 35 лет назад как раз Ираном, не имеет реальной перспективы из-за отказа Израиля при-

соединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Учитывая достаточно высокие шансы обретения Ираном ядерного оружия и, соответственно, перехода ситуации в регионе в качественно иную фазу стоит рассмотреть различные варианты обеспечения безопасности:

- 1) предложение странам Ближнего Востока “зонтика” безопасности со стороны “легитимных” ядерных держав, прежде всего России и США;
- 2) размещение в регионе коллективной системы противоракетной обороны;
- 3) “размен” ядерного оружия, взаимный отказ от него Ирана и Израиля;

- 4) фактическая институционализация системы регионального ядерного сдерживания по модели Индия – Пакистан.

Хотя распространение ядерного оружия является крайне нежелательным сценарием, следует признать, что в годы холодной войны именно его наличие у двух сверхдержав предотвратило конфликт между ними и способствовало поддержанию стратегической стабильности. Если распространение невозможно остановить, нужно подумать о том, как заставить ядерное оружие играть стабилизирующую роль и в новых обстоятельствах.

VI. Заключение. Некоторые выводы

1. Решение проблем региона во всех сферах невозможно без активной стратегии модернизации и развития, которая предусматривала бы укрепление существующих государств на современной основе с учетом местных традиций и культуры.

2. Структурирование безопасности в регионе к 2020 году – малореальная перспектива. Слишком велик груз застарелых и вновь образовавшихся проблем, высок уровень насилия и конфликтности. Распатывание ныне существующих государств может привести к появлению новых очагов конфликтов. Гипотетически возможно некое “пакетное решение”, однако в силу крайней неоднородности региона оно должно учитывать такое количество различных факторов и групп интересов, что его практическая реализация не представляется возможной.

3. Ключевым является состояние израильско-палестинского конфликта, способность если не приблизиться к политическому урегулированию, то хотя бы обеспечить приемлемый уровень стабильности.

4. Роль внерегиональных игроков возрастает, причем речь идет не столько о посредничестве, сколько о прямой поддержке правящих режимов, которые испытывают внутренние проблемы. Смена власти способна привести к резкой радикализации политической среды в соответствующих странах.

5. Необходимы международные усилия с учетом комплексного характера региональных проблем и общности интересов. Роль США будет оставаться определяющей, но не должна превра-

щаться в монопольную. В арабо-израильском урегулировании следует повысить роль России и Евросоюза с возможным привлечением новых великих держав. Согласованная между ними ближневосточная стратегия могла бы оказать воздействие на Вашингтон в плане придания его посреднической миссии большей сбалансированности.

6. Укрепление режима нераспространения в регионе при сложившихся реалиях не представляется возможным. До 2020 года продвижение вперед здесь не ожидается. В случае неудачи с урегулированием иранского “ядерного досье” неизбежен всплеск интереса других стран региона к способам обеспечения безопасности в новых условиях. Международное сообщество должно быть готово предложить этим государствам варианты гарантий. Необходим интенсивный диалог по этим вопросам как между старыми державами, так и между ними и странами региона.

7. Противостояние Ирана, нацеленное на укрепление своих региональных позиций, и арабских государств Персидского залива будет постепенно обостряться, оказывая влияние на энергетическую безопасность. Однако до вооруженного конфликта не дойдет в силу относительно слабости сторон и обширного иностранного военного присутствия в регионе. Общий баланс сил, скорее всего, будет склоняться в пользу нефтяных монархий Залива, вставших на путь эффективного использования огромных финансовых ресурсов на цели модернизации. При этом внутренняя стабильность в Иране не гарантирована, хотя в случае успешного преодоления внутривнутриполитических проблем Иран может стать ведущей страной региона.